

ЛОВУШКИ МЕГАПОЛИСА / ГОРОДСКОЙ ДЕТЕКТИВ

Обратный счет любви

РИНА

ОСИНКИНА

Может быть, нам
просто не до конца
рассказывают
истории?

Ловушки мегаполиса. Городской детектив

Рина Осинкина

Обратный счет любви

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Осинкина Р.

Обратный счет любви / Р. Осинкина — «Эксмо»,
2020 — (Ловушки мегаполиса. Городской детектив)

ISBN 978-5-04-111723-8

Надежда Киреева, дама необычайно активная и самоуверенная, не могла пройти мимо беды – ее золовку Инну обвинили в убийстве девушки. Надя решила помочь родственнице спасти свое доброе имя и избежать тюрьмы, но с чего начать? Как выяснилось, Инна ходила на курсы психологической поддержки, где слушательниц исподволь подталкивали на преступления. А ведущая тренингов Галина Шевчук недавно продала свою бессмертную душу в интернете – как бы дико это ни звучало! Она надеялась обрести удачу в бизнесе, но вместо этого получила лишь серьезные неприятности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111723-8

© Осинкина Р., 2020
© Эксмо, 2020

Рина Осинкина

Обратный счет любви

Осень не бывает золотой? А ты забей...

© Осинкина Р., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Кирилла Николаевича избili и ограбили. Зверски и цинично. Он неторопливо шел через выстуженную длинную арку, ведущую в неухоженный замоскворецкий двор, окруженный двух-, трех- и четырехэтажными, еще начала двадцатого века, с узкими бойницами вместо окон, доходными домами, как несколько то ли состарившихся подростков, то ли жилистых и мелких мужиков налетели на него и принялись деловито и сноровисто избивать. Молча, энергично, слаженно. Стопка зеленых денег вместе с бумажником перековала в вонючий карман одного из них, туда же последовал совсем новый смартфон и еще что-то уже по мелочи, и, попинав напоследок грязными кроссовками Кирилла в бок, банда растворилась в сумерках Щипковского переулка.

Подонки здорово отделали ему фасад, нос сломали, выбили два зуба, но еще и ребрам досталось, и, кажется, мозги тряхануло, когда его смачно ткнули в старую кирпичную кладку тоннеля. Ткнули так, что сырая штукатурка посыпалась вниз, попав ему за воротник.

Кирилл кое-как поймал тачку, а добравшись домой, вызвонил с работы сына. Конечно, сына, не жену же. Только ее причитаний не хватало.

Срочно приехавший Андрюха уперся и вызвал неотложку. И доставил сюда, снабдив зубной щеткой, тапочками и старым мобильником. Он прав был, конечно, но так не хотелось всей этой суеты... И с финансами еще проблема. Что ж, придется жене раскошелиться, ничего не поделаешь. Она, конечно, привыкла жить за его счет, но в некоторых ситуациях нужно уметь наступить на свою скаредность.

Кириллу теперь пластику лица надо делать, как его там?.. Ринопластика, что ли. И зубы ставить. Не пластмассу же, елы-палы. А денег-то нет. Кирдыкнулись денежки. Кто бы подсказал, не ходил бы он там сегодня. Но не подсказали.

– Так я здесь и оказался, – морщась от боли, проговорил Кирилл Николаевич, завершая историю своих злоключений.

– Дела, – глубокомысленно протянул сосед по койке справа, по внешнему виду – инженер с бюджетного производства, мечтающий о ранней пенсии.

– Да что же это за жизнь такая! Простому человеку ступить негде, уголовники шныряют повсюду! Куда только полиция смотрит?! – привычно взъярился сосед напротив.

– И на сколько же тебя, братан, нагрели? – поинтересовался коротко стриженный третий сосед, а второй тут же заткнулся.

– Супруге на шубу копил, – не сдержав горестного вздоха, качнул головой Кирилл Николаевич. – На норковую. Она мечтала.

О! Вот и жена звонит, легка на помине. Вот мы ее и разжалобим. А пусть распотрошит один из счетов, не обеднеет.

– Аллэ! – вскричала Надежда в трубку. – Кирюшка, что случилось? Как ты? Я к тебе сейчас приеду! Что привезти?

Кирилл откинулся на подушку.

– Ничего не надо, ласточка, спасибо. Ты всегда так обо мне беспокоишься... Ну, ничего. Ну, точно. Ну, можешь минералочки. Есть все равно не могу, больно. Ну как, как? Что ты странные вопросы задаешь?.. Голова кружится, тошнит. Ну, где ж теперь этих подонков най-

дешь? Да ну, какая полиция, какая полиция?.. И сигарет не забудь. Что значит нельзя? Мне без сигарет нельзя!

Надежда немного успокоилась. Раз просит сигарет, значит, жить будет.

– Кирюш, а где ты машину бросил?

– А что? Зачем тебе? – раздраженно спросил Кирилл.

– Как зачем? – не поняла его Надежда. – Забрать же надо. Мне Андрейка сказал, что ты на частнике домой добирался. А машина где?

– Машина недалеко от того места, – сдержанно произнес Кирилл. – Я припарковался и пошел к бизнес-центру. У меня там переговоры должны были быть сегодня, да какая разница! Ты все равно не поймешь, а объяснять долго!

– Что я не пойму, Кирилл? – чуть холоднее спросила Надежда.

– Короче, не важно, где машина, – отрезал он. – Ты лучше приезжай давай, а то муж в больнице, а она время тянет. И сигареты привези, у меня три штуки осталось.

– Я приеду, приеду, не волнуйся, – и в ее голосе зазвучал легкий металл. – Кирилл, где машина, отвечай быстро.

– Ну, зачем тебе, Наденька? – заканючил примирительно муж. – Водить ты все равно не умеешь. Ключи я посеял. Видимо, выпали, когда... Ну, ты понимаешь.

– У меня запасные есть, – спокойно ответила Надежда. – А отогнать ее я кого-нибудь попрошу. Я слушаю. Говори. Если не хочешь без сигарет остаться.

Надежда Михайловна торопливо натягивала сапоги.

– Девочки, мне отлучиться надо. Примерно на часик. Если кто спросит, я на мобильном. Если из руководства спросят, скажите, что форсмажор в семье, потом все объясню.

Девочки – Оксана беленькая и Оксана черненькая – приторно улыбнулись, слаженно кивая. Они не любили начальницу. Впрочем, она не навязывалась. В подчиненных у Киреевой была как-то приятельница, почти подруга, просто неразлейвода. С тех пор Надежда усвоила, что дружба между начальницей и подчиненной – вредный миф.

Надежда Михайловна возглавляла патентный отдел на «Микротроне» уже лет шесть. И по-видимому, ее карьере приходил конец.

Киреевой, закончившей в свое время Бауманку и даже успевшей до перестройки поработать по инженерной специальности, теперь вряд ли удастся найти достойную работу, разве что курьером или расклейщиком объявлений. Научно-техническая корпорация, в которой Надя состояла на службе, недавно преобразовалась в торгово-промышленный холдинг, в котором новых разработок почти не предусматривалось, а для оформления патентов на изредка случающиеся инновации держать свой штат глупо. Их главный дураком не был.

Надежда не была молодым специалистом. Она была специалистом зрелым. Сорокадевятiletним зрелым специалистом без диплома патентоведа в качестве аргумента. Любая девчонка, вчера окончившая новомодный университет, один из тех, что за последние годы вылупились, как грибы после дождя, обойдет ее на собеседовании только потому, что она девчонка, и также потому, что предъявит эйч-ару новенькие корочки. Такие дела.

Однако что за история случилась с Кириллом? К его сказкам она давно притерпелась и, не морщась, проглатывала любую туфту. Но тут дело касалось ее машины, Надиной машины, поскольку с самого начала семейной жизни автомобиль в их семье покупался на Надежду, а муж Кирилл ездил по доверенности. И прежде чем доставить ему к больничной койке «Ессентуки» и «Кэмел», она решила проделать небольшой крюк и убедиться, что с ее имуществом все в порядке.

Так, собственно, оно и было. Имущество глянцево блестяло в глубине старомосковского двора, впритирочку припаркованное к бордюрным камням кособокого тротуара. Это заставило Надежду призадуматься, поскольку картина происшедшего логически не прорисовывалась. Вот ее «Ауди», а во-о-он там, не меньше чем метрах в тридцати, темнеет арка подворотни.

Зачем, позвольте поинтересоваться, понадобилось Кириллу туда возвращаться? Ведь именно там его настигли грабители!

Кстати, никакого здания, похожего на бизнес-центр, в этом глухом дворе не было. И в соседних дворах тоже. И по всему переулку. Хотя, возможно, таким пышным и звучным словом именовали какую-нибудь развалюху ее тщеславные хозяева?

– Эй, мадам, отойдите-ка от машины! – услышала Надя резкий окрик и сообразила, что «мадам» – это она.

Надежда повертела головой и увидела насупленного дядьку в куртке нараспашку и полосатой шапке «петушок», который решительными шагами направлялся в ее сторону.

– Оглохли? Я к вам обращаюсь. А ну, давайте, валите отсюда! Нечего тут...

– Но это моя машина, милейший, – улыбнулась ему Надежда, вовсе не обидевшись ни на тон, ни на обороты речи.

– А вот не гони, – отрезал мужик. – Кто ее хозяин, я знаю. И понятия знаю. Уж коли взялся присмотреть, то присмотрю. Я человек честный и за просто так деньги брать не буду.

– Я тоже знаю, кто ее хозяин. Он хозяин, а я хозяйка. Смотрите, что у меня есть. – С этими словами Надежда достала из сумочки пластиковый файл с ксерокопией техпаспорта на машину и свой паспорт тоже достала.

– Ну что ж, это другое дело, – сказал мужик, сдвинув шапку на затылок. – Забирайте. Вижу, что ваша.

– То есть вы тут сторож?

– Какой я тебе сторож?! – возмутился дядька. – Я художник, матрешек раскрашиваю, на Вернике по выходным продаю. Но, если попросят, почему бы за автомобилем не присмотреть? Такое время сейчас, на минуту оставить нельзя, в момент колеса снимут или неприличное слово нацарапают. Тем более что Кирилл Николаевич ко мне и по другим делам обращается.

– А по каким еще делам обращается к вам Кирилл Николаевич? – вкрадчиво спросила Надежда, заглядывая в расшитый бисером кошелечек.

Кирилл на фоне белой больничной наволочки выглядел даже хуже, чем она себе представляла. Здорово его отделали. Поделом. Тем не менее рожи корчит. Пока он еще не знает, что она знает, вот и строит оскорбленную морду.

Вчера Надежда так и не попала к нему в больницу. Могла, наверное, приехать, но не захотела. То, что она узнала от свободного художника Геннадия, присматривавшего за ее машиной, не особенно удивило, но осадок оставило чрезвычайно гадостный.

Геннадий время от времени сдавал квартиру ее благоверному. По запросу, так сказать. По требованию. Мог на сутки, мог на двое, иногда благоверному хватало и нескольких часов. Естественно, что не только ему одному сдавал, имелись и другие... нуждающиеся. Геннадию в жизни повезло, тетка покойная оставила по завещанию свою однушку. Хорошее подспорье, матрешками-то не прокормишься. Сам он проживал на том же этаже, только в соседнем подъезде.

А сегодня, как раз после обеда, произошел такой вот нехороший случай.

Вломились к Кириллу Николаевичу какие-то отморозки, не успел Николаич в квартиру войти, как вломились, ну и отделали. Сколько их было, свободный художник не в курсе, но, однако, отметились конкретно, по самое не хочу. Сначала раздавались крики всякие, возня, затем грохот послышался. Геннадий мало что разобрал через стенку, однако понял, предьява Николаичу была из-за бабы.

А самой бабы там не было, не входила баба в подъезд, это Гена отследил визуально, посредством кухонного окна. А поскольку отслеживал бабу, то какие мужики входили, он внимания не обратил. Кто-то, конечно, входил, но кто именно, он не запомнил.

Немного погодя, когда за стеной поутихло, сам Николаич вышел побитый. Пошел тачку ловить, поскольку на своей ехать не решился, голова у него кружилась, да и болело все. А

Геннадия, который выбежал из своего подъезда, попросил за машиной присмотреть и денег дал тыщонку.

Надежда квартиру осмотрела. Геннадий сказал, что тут было все перевернуто, а стул так вообще сломан, и намекнул, что не помешала бы некая компенсация.

Надя мельком взглянула на него, и он заткнулся. В глаза ей бросилась коробка конфет-ассорти и небольшая фляжка коньяка – без форсу, так себе, средненько. Видимо, уже не новая барышня. И ключи от автомобиля нашлись тоже, на тумбочке в прихожей.

Не было, выходит, никаких грабителей-троллей, и через арку Кирилл не проходил. Вот прямо тут, в этих стенах, он и схлопотал от конкурента. Интересно, кто его решил проучить? Брошенный любовник или рогатый муж?

По Надиной статистике, Кирилл предпочитал водиться с дамами замужними, поскольку имел заблуждение, что с ними проблем будет меньше, в загс не потянут. Действительно, сильно заблуждался Кирюша. Обиженный муж тоже может стать большой проблемой.

Она вспомнила про деньги, которые у Кирилла отобрали мифические бандиты, и поняла, что даже историю собственного позора он решил припахать к вящей выгоде, списав их на боевые потери.

Куда в действительности исчезла немалая сумма, думать ей уже не хотелось, тем более что ответ болтался на поверхности.

И о чем теперь с ним разговаривать? Продолжать строить дурочку, неизвестно какую цель преследуя? Нет, ну, действительно, зачем? Стоит оно того? Если из-за сына, то Андрей уже вырос и мало интересуется жизнью предков, да и что в ней, в этой жизни, может быть, с его точки зрения, серьезного? Вялотекущая старость и смешные разборки у телевизора в виде споров, что нынче будем смотреть?

Когда Андрейка родился, Надя столкнулась с обидной несправедливостью семейной жизни. Муж сразу начал задерживаться после работы, иногда за полночь возвращаясь домой, пьяным и беззаботным.

Надя искренне не понимала, как же так? Они так хотели ребенка, вот он, твой ребенок, а тебя не тянет домой? И ты мне даже не поможешь? Мне трудно одной справляться, ты не понимаешь?

Помочь больше было некому. Ее мама жила в другом городе и очень плохо себя чувствовала – большое сердце. Мать Кирилла умерла, когда тот был еще ребенком, а от свекра помощи ждать было смешно. Что до сестры Кирилла, Инны, то уж она-то вовсе была не обязана помогать Надежде и тратить на нее свое время.

В ответ на Надины несмелые претензии муж начинал тут же яриться и кричать, что не собирается «замыкаться в скорлупе». И не обязан. Наде казалось обидным, что они с Андрейкой – это «скорлупа», но потом она привыкла. Притерпелась. Андрейка рос, проблем делалось меньше, и Кирилл чаще стал появляться к ужину.

То, что муж хаживает налево, Надя определила рано. Что она при этом чувствовала, знает каждая женщина, прошедшая через такое, а какая не прошла, той и знать не надо. Тяжело. Тяжело, гадко, унизительно, стыдно...

Некоторые, сделав такое открытие, разводятся и потом в гордом одиночестве поднимают детей, работая на двух работах и быстро поняв, что личную жизнь теперь больше не устроить. Никогда. Нет времени, элементарно нет на эту самую личную жизнь времени, если ты, конечно, нормальная мать, а не шалава. Другие решают оставить все как есть и терпеть дальше. Надежда решила остаться.

Во-первых, она боялась, что, если они с Кириллом разведутся, то Андрюшина жизнь в детском социуме делается трудной. Он будет чувствовать ущербность рядом с теми детьми, у которых есть и мама, и папа, а Надя не хотела, чтобы сын был ущербным. Во-вторых, ей

перед ним было стыдно, и она покрывала мужа, как преданная секретарша, лишь бы Андрейка ничего про отца не заподозрил. Он и не заподозрил, Надя постаралась.

Кроме того, все взвесив, она решила, что ей самой нужен статус замужней дамы. К разведенным относятся с жалостью, с насмешкой, с подозрениями. Нехорошо относятся, иными словами.

И наконец, деньги, которые приносил в дом Кирилл, ей тоже были очень нужны, и она оставляла все как есть еще и из-за денег. Уже окончательно поняв, что за человек живет рядом с ней, она старалась вытянуть из него побольше для себя и для сына. Но парадокс – с годами доходы Кирилла росли, а его щедрость таяла. Он сделался расчетливым и своекорыстным, но Надя постепенно обзавелась хорошей прочной шкуркой и почти не обращала внимания на его колкие комментарии, когда ей приходилось выклянчивать у него очередную энную сумму. Она подозревала, что в семью он отдает даже не половину. А возможно, что и не треть. Ну, хоть столько.

И еще. Она любила мужа. Надя до сих пор его любила. И ничего не могла с этим поделать. Сама себе она рисовалась практичной, циничной и абсолютно несентиментальной, но ничего не могла поделать с этим подневольным чувством. А может, она тосковала по прошлому? По себе молоденькой, девятнадцатилетней, по нему, которому только исполнилось восемнадцать? Когда каждая встреча была обещанием, залогом бесконечной радости и счастья. Никак не могла она забыть это головокружительное чувство, она даже дышала тогда счастьем, потому что они вместе, потому что нашли друг друга, потому что полюбили!..

Спустись на землю, Надя.

Спустил ее Кирилл.

– Ты специально так сделала, да? – начал он наезд, когда она приблизилась к его койке на достаточно близкое расстояние. – Тебе что, трудно было вчера сюда приехать? Какие такие у тебя могли быть срочные дела, когда муж в больнице? Сына бы постыдилась, что ли!

«Ого, – подумала Надежда, – что это он сразу шарахнул бронебойными? Так сильно не уверен в себе? Или, наоборот, так уверен?»

Она села поровнее на жестком больничном стуле, закинула ногу на ногу и сказала, изо всех сил уговаривая себя не волноваться.

– Кирилл, – сказала она, – я вчера с Геннадием говорила. Помнишь Геннадия? Кстати, там и ключи от машины нашлись.

Кирилл минуту смотрел на нее не мигая, а затем, сорвавшись с подушки, на которой только что возлежал в оскорбленном изнеможении, яростно зашипел, стараясь, однако, чтобы соседи по палате ничего не расслышали:

– Это ты виновата! Ты меня довела! От хорошей жены никто по бабам ходить не станет! А ты вечно всем недовольна, всю жизнь меня пилишь! Все я плохой, все не так делаю! А кто тебя обеспечивает, кто кормит? Ты же на мне паразитируешь! Ты посмотри на брюлики свои, вот эти цацки тебе кто накупил? Дрянь неблагодарная! А теперь она оскорбленную из себя строить! На меня это не действует, не старайся! Истерики она тут мне будет устраивать... Учить тебя надо было, а я все прощал, дурак. Меня Инна давно предупреждала, а я не хотел верить.

Это было неожиданно. Конечно, Кирилл не являлся образцом благородства, но никогда раньше он такого себе не позволял. То есть не позволял открыто признаваться в своих ходах налево. Обращал в шутку или обычным образом ярился, называя ее ревнивой дурой, даже было однажды, что и прощения просил, когда нельзя было выкрутиться иначе. Но так вот – никогда. Не по доброте душевной, а из соображений собственной выгоды, поскольку удобства семейной жизни по многим причинам весьма ценил и при этом понимал, что она, его семейная жизнь, теперь находится в неустойчивом равновесии, как затишье на передовой во время перемирия. Теперь, когда Андрей вырос.

Выходит, ошибалась Надежда на его счет, ничего-то он не ценит. И хоть ей не хотелось себе в этом признаваться, муж все-таки сумел ее уколоть. Не вздорным высказыванием, что она сварливая жена и плохая хозяйка, это было заведомо несправедливо. А тем, что он абсолютно, на все тысячу процентов уверен: из-за своего житейского прагматизма и алчности она вытерпит и снесет любые унижения вплоть до издевательств.

Сделав паузу, чтобы жена осознала, что виноватым себя он ни в чем не считает и никаких извинений ей не обломится, Кирилл продолжил:

– Так вот, дорогая, сейчас твоя очередь раскошелиться. В этом гадюшнике я лежать не собираюсь. Сейчас ты пойдешь на сестринский пост, там тебе подскажут, где оплатить отдельную палату. Полежу в больнице несколько дней, пока врачи домой не отпустят, а потом придется заниматься лицом и зубами, тоже денег стоит.

Надежда, прикрыв веки и потирая пальцами переносицу, тихо спросила, не глядя на мужа:

– Ты о каких моих деньгах сейчас говоришь, милый? Это ведь у тебя счета в нескольких банках. Были, по крайней мере. А у нас с Андреем только наши зарплаты, да еще те копейки, которые ты ежемесячно даешь на макароны. Но я знаю, как тебе помочь. Я предполагала, что закончится именно этим.

Надежда не спеша открыла сумочку и вытащила оттуда звенящий полиэтиленовый пакетик для бутербродов, завязанный узлом. Кинула его Кириллу на одеяло, пакетик бренькнул.

– Лови, милый, – жестким голосом произнесла она. – Здесь все *твои* цацки. Ты мне камни дарил, потому что их при разводе делить можно? Шубу не поделишь или зимние сапоги, а бриллианты – уже не та категория, ведь так? Это ведь уже совместно нажитое. Забирай. Забирай их все, без дележа. Не знаю, как ты их будешь менять на монеты, меня это не касается. Как больше не касается, в какой рубашке ты пойдешь на работу. С нами ты больше не живешь. Отправляйся, милый, по месту прописки, к сестрице. Там вам будет вместе весело и интересно. И меня сможете всласть пообсуждать. Чао.

И Киреева встала с жесткого больничного стула, держа спину очень прямо, ослепительно улыбнулась всему мужскому коечному окружению и, твердо ступая, вышла из палаты.

Надежда Михайловна была яростной жизнелюбкой. Она любила утренние пробежки в соседнем парке, потому что это ее бодрило, повышало самооценку, а также спортивный костюм ярко-бирюзового цвета с белыми вставками был ей безумно к лицу. Она любила ходить на работу, потому что, придя в офис, можно похвастаться новой тряпочкой, а еще можно позлить какую-нибудь Ириночку Звереву тем, что, несмотря на разницу в возрасте почти в десять лет, выглядишь в сто раз лучше этой самой Ириночки. А еще можно попить кофейку с девчонками и всласть с ними посплетничать. Да и работу свою она тоже любила, хоть и держала это от всех в секрете, засмеют. Она любила свой дом, потому что дома у нее было уютно и красиво, любила иногда пригласить хороших знакомых попить вина и поплясать дикие танцы под «Бони эм», а заодно похвастаться новой отделкой кухни или балкона. Она любила сына, потому что любила. И она любила мужа, потому что дура.

Надя стояла в туалете больницы, закрывшись в пахнущей едкой хлоркой кабинке, и тихо плакала. Она плакала о счастье, которое только кивнуло, плакала о жизни, так по-подлому быстро подошедшей к закату.

Зачем себя обманывать? Именно к закату. О сыне, которому она теперь мало нужна, и о муже, которому не нужна вовсе. О колечках и серьгах не плакала. О них она всласть поплакала еще вчера, когда разложила их на ворсистом кроватном покрывале и прощалась с каждым камешком, вспоминая прожитую жизнь.

«А, да ладно... – произнесла она, прерывисто вздыхая и промокая кончиками пальцев мокрые веки, – ну их, изумруды. Можно и в бижутерии походить. Сейчас делают прелестную бижутерию».

Дома было темно, сыро и холодно. Она прошлась по всем комнатам, повсюду зажигая свет. Разбудила телевизор, и он негромко зашептал новостями. В гостиной включила электрокамин и полюбовалась почти настоящими язычками пламени на почти настоящих березовых поленьях.

Сейчас придет Андрейка с работы, она накормит его котлетами и жареной картошкой, и, может, он с ней поговорит. О чем? Какая разница, о чем он захочет с ней поговорить? Хоть о футболе, хоть о новой графической программе. Хоть о своих прохудившихся носках.

Однако совсем ты разнюнилась, Надюша. Никуда не годится, подбери сопли живо. У тебя замечательный сын, и он не обязан всю жизнь возле тебя сидеть как приклеенный. Запомни: если он не сидит возле тебя как приклеенный, значит, ты его правильно воспитала. Понятно? А то!..

Запиликал телефон, и Надя вздрогнула. Трубку брать не хотелось, наверняка звонит дорогая сестрица. Не ее, Надина, сестрица, у нее ни братьев, ни сестер не было, а сестрица мужнина.

Тем не менее Надя трубку сняла, решив закончить все в один день и больше к этому не возвращаться.

Инка вступила с крика, но это никого не удивило. Хотя Надежда и не ожидала, что Кирилл так оперативно поделится новостями. Значит, воспринял угрозу всерьез. И Инка тоже, вон как заходится.

– Какая же ты змея! – визжала трубка. – Всю жизнь из Кирюши кровь пила, на двух работах заставляла работать, а теперь, когда он заболел, то сразу стал не нужен?! На помойку решила его выпихнуть?

«Ого, – подумала Надежда, – про вторую работу я и не знала... Однако... Однако мне до этого уже дела нет, а вот милый Кирюша не скажет тебе спасибо, дорогая, что ты по своей бабьей глупости так его заложила. Хотя это теперь тоже не важно. Но как она всполошилась! Не хочет, значит, снова проживать с выросшим братиком».

Инесса была старше брата на одиннадцать лет. После того как от запущенного аппендицита на операционном столе умерла их мать, сестра заботилась о Кирилле, как могла, и воспитывала, как это понимала. Инкино подвижничество папашу вполне удовлетворяло, поскольку он не планировал обременять себя новой женой, а гулял вольным казаком, выделяя наследникам некую часть зарплаты на расходы. И Инку это тоже устраивало, ей не нужна была никакая мачеха – ни злая, ни добрая.

Сама Инка пыталась выйти замуж, но у нее так и не срослось. Ее властная и нетерпимая натура проявлялась уже на втором этапе знакомства, и парень быстренько сматывался от подружки, которая постоянно прерывала его на полуслове, указывая, как и что ему нужно делать, говорить или думать, или выражалась в исключительно нелестной форме о его мозгах, руках, ногах и о прочем всем.

У Инки всегда был тяжелый характер, хотя по молодости лет Наде хотелось с ней подружиться. Не получилось.

Наде было это непонятно, она даже переживала вначале и плакала оттого, что совсем не нравится Кирюшиной сестре. Искала в себе несовершенства, пыталась вызвать золовку на откровенный разговор, хотела что-то выяснить или же объяснить.

А когда стала старше и опытнее, то успокоилась и поняла, что «нравится – не нравится» тут ни при чем. Зависть, ревность и жгучее желание, чтобы все было «по-моему». По-Инкиному то есть.

С возрастом Инесса совсем сделалась невыносимой. После того как ее под локотки проводили на пенсию, характер ее поменялся настолько, что она превратилась в желчную мумию, ненавидящую все юное и живое. Так, по крайней мере, казалось Надежде. И она, не переста-

вая, радовалась, что живет далеко, очень далеко от своей единственной родственницы, просто на другом конце Москвы.

Но время от времени в голову Наде заползали неприятные мысли.

«Неужели я тоже обращусь в такого мутанта? – пугливо думала она. – У меня обвиснут щеки, растолстеет шея и появится второй подбородок. Но это все ерунда, подбородок можно подтянуть. Я вся поменяюсь, и пластика не поможет. Я уже не буду Надей, я сделаюсь чудовищем с уродливой психикой и извращенной шкалой ценностей. Потому что старуха – это уже не человек. Старуха – это какая-то скачкообразная мутация, которая так же отличается от женщины, как... Как самка гиены или осьминога».

Мысли такие Надежда гнала, не позволяя им задерживаться надолго, и успокаивала себя тем, что не все «мутанты» одинаковы и что среди них встречаются вполне даже человекообразные. Но это, конечно, не про Инку.

Сегодня та била рекорды, наплевав на политкорректность полностью, поскольку, вероятно, поняла, что терять больше ей нечего. На склоне лет возиться с братом, внезапно ставшим холостяком, Инке сильно не хотелось.

Надежда не собиралась с ней ничего обсуждать, тем более оправдываться, но удержаться от колкости не смогла и спросила, дождавшись паузы, что за помойку та имеет в виду? Если ее, Инкину, квартиру, то да, тогда на помойку.

И повесила трубку.

Настроение было изгажено окончательно.

Надя отправилась на кухню, на свою невозможно красивую кухню, и, занимаясь картошкой и котлетами, стала напевать вполголоса что-то очень давнее из Маши Распутиной, про казачью станицу, и взбодрилась. А потом начала громко петь про Гималаи и совсем развеселилась. И веселая, со смеющимися глазами, пошла открывать дверь, когда позвонили.

Надя кинула взгляд на настенные часы: наверно, Андрейка с работы. Он иногда ленится возиться с ключами.

Это был не Андрейка. Со сведенным в гримасу от невыплеснутой злобы лицом в окаймлении черной крашеной паклей секущихся волос, ближайшая родственница мужа впихнула Надежду в глубь квартиры, задом прихлопнув входную дверь.

Андрюха сунул руки в рукава серебристо-серого пуховика, отороченного енотом, и, застегивая на ходу молнию, побежал по ступенькам вниз на первый этаж, на волю. Рабочий день закончился полчаса назад, он пересидел слегка, но в данном случае это ерунда!.. Вот когда через неделю будут номер выпускать, тогда, может, и до часу ночи придется прокорпеть, ничего не поделаешь, специфика места.

Андрей числился в редакции журнала «Деловой курьер» верстальщиком, хотя название должности не охватывало весь спектр дел, которыми приходилось заниматься.

Андрей был хорошим дизайнером-макетчиком, чем и пользовались беззастенчиво все, начиная от главного редактора и заканчивая девчонками из выставочного отдела. И он особенно не возражал, в отличие от коллеги по цеху Витьки Пристежнюка, который любую просьбу со стороны пишущей братии воспринимал как попрание прав и наглую эксплуатацию.

Андрей вывалился на улицу и осмотрелся. Куда, к «Чкаловской» или лучше к «Марксистской»? Направо или вперед через дорогу? Вопрос решился сам, когда в вялом свете редких уличных фонарей Андрей опознал удаляющиеся спины двух своих коллежек.

Коллежек-сыроежек. Прикольнемся.

Стараясь не поскользнуться на проплешинах плохо счищенного льда, он частой трусцой, на полусогнутых, настиг девчонок и, дернув за ремешок сумки ту, которая справа, гаркнул ей в ухо:

– Гони бабло, старая плесень!

Девчонки, как им и полагается, взвизгнули и шарахнулись в сторону, а он довольно заржал.

Разобравшись, барышни тут же на него накиннулись и принялись дробно дубасить в пухлые бока, уминая их острыми кулачками.

Смеющийся Андрей перехватил худенькие запястья одной из них и удивленно воскликнул:

– Ксюшка? Да я был уверен, что это ты, Даш! Ну вы, блин, даете...

Даша закатилась хохотом, Ксюша ей азартно вторила.

Даша Врублевская и Ксюша Ульянова были журналистками. Так сказать, молодая поросль. Даша писала для отдела деловой хроники, Ксюша вела рубрику «Власть и бизнес», и обе были недавними выпускницами журфака. Обе нагленькие, немножко жеманные и самую малость глупенькие, но мужикам от бизнеса, которых они интервьюировали, это нравилось.

Даша была москвичка и жила со старшим братом в новой высотке на Краснопресненской набережной, Ксюша приехала откуда-то из Сибири и снимала однушку.

– К чему сей маскарад, манкис? – спросил Андрей. – Путаем следы? Отрываемся от погони?

– Сам ты манки, – хихикнула Ксюша. – Я решила пальто себе купить, такое же как у Дашки, а она испугалась и дала свое поносить, временно.

Андрей молчал, медленно соображая. Потом высказался:

– У тебя что, бабок на прикид не хватает? А почему у Дашки не перехватишь? Даш, тебя жаба заела? Тоже мне, фрэндессы...

– Ты что, действительно не догоняешь? – взвилась в непритворном негодовании Дашка.

– А чего? – продолжал тупить Андрей.

– Вот ты, например, как отнесешься, если твой Пристежнюк такую же куртку себе намылит? Или пиджак?

– И чего? – никак не мог вникнуть Андрей.

Обе барышни молча на него смотрели, пытаясь понять, глумится он так или вправду не въезжает. Поняли, не въезжает.

Ксюша посмотрела на Дашу и, закатив глаза, вздохнула, Даша посмотрела на Ксюшу и, тоже закатив глаза, пожала плечами.

– Не парься, Киреев, – сказала она Андрею и похлопала его по плечу. – Это мы так прикольнолись.

И они пошли неторопливо по серому переулку вдоль стен серых зданий, в которых люди давно уже не живут, а лишь работают, внедряясь туда каждое утро, а ежевечерне покидая без сожаления.

Болтали о пустяках. Девочки обсуждали новую корректоршу, которая лезла не в свое дело и вносила редакторские правки в тексты, учила, как следует писать обзоры и репортажи, хотя это ее вовсе не касается. Обменивались планами на грядущие в скором времени праздники – 23 Февраля и 8 Марта.

Андрей участия в разговоре не принимал, лениво загребая ботинками по мерзлому асфальту и недоумевая про себя, зачем это он не пошел сразу через дорогу, а потащился направо за девчонками.

К девчонкам-сослуживицам, как, впрочем, и к молоденьким соседкам по дому, он относился не по годам мудро, спасибо маме. Мама у него классная. Пусть и не всегда догоняет.

Но тут уж ничего не поделаешь, старшее поколение, оно вообще малость туповато. Его мать хотя бы по сайтам шарит, а вот у Витьки Пристежнюка мамаша даже подойти к компу боится. Про то, чтобы что-нибудь себе нагуглить, вообще речи нет. И лексика у них какая-то кондовая. Кстати, и обучаться не хотят. Его мама, конечно, исключение. Она его прекрасно понимает, а он – ее.

Когда Андрей учился в девятом классе, мама выведала, что ему нравится Настя Куликова из их же класса, он уже решил ей эсэмэску отправить с предложением встречаться и все такое. Мама сказала: «Не советую».

Он, конечно, вскинулся, а она спокойненько так произнесла:

«Ты, – говорит, – Андрейка, не торопись, изучи все со стороны. Есть у вас в классе уже парочки, наверное?»

Андрей хмыкнул. Как не быть, не ребенки же.

«Ну, так ты посмотри, что через два-три месяца будет, хорошо? Потом с Настей поговоришь, если захочешь. Ты, конечно, уже сейчас можешь с ней поговорить и пригласить в кино или покататься на роликах, но потерпи пока. Идет?»

Чисто из уважения согласился Андрей «потерпеть».

До разговора с мамой он не заострял внимания на этой стороне школьной жизни, а теперь начал следить. Мальчиком он был умненьким и в скором времени понял, от чего хотела она его предостеречь.

Парочки на глазах возникали, на глазах же и лопались, некоторые тихо, большинство же с нервными эксцессами и душераздирающими страстями. В пересудах по этому поводу участвовали все – и пацаны, и девчонки, и те, кто учился с ним в одном классе, и те, кто в параллельных. Во время затиший смаковали подробности чьих-то устоявшихся отношений, а также обсуждали, кто кому безответно нравится и кто от своей «половины» мылится слинять.

Кажется, даже педагоги, втихаря покуривавшие в учительской, были в курсе подробностей очередного школьного романа, превратившегося в скандал, возмущались, осуждали и мазали грязью. Злословили.

Насте Куликовой пока не доводилось стать героиней, зато она проявила себя обильным трепом и делилась с непосвященными пикантными деталями отношений треугольника, один из углов которого был занят ее ближайшей подругой Петуховой Любой.

Андрей ничего не взвешивал, не в том он был возрасте, но ему стало противно. И он все запомнил. И дал себе слово никогда не подставляться. Оно того стоит.

Он, конечно, допускал, что в его жизни может произойти нечто, что напрочь сломит его волю, и тогда он наплюет на здравый смысл и собственные правила, однако до сих пор фееричных встреч на местах учебы и работы у него не случилось.

Ксюха с Дашкой, конечно, нормальные девчонки, веселые и без заморочек, но его Натке они и в подметки не годятся. Кстати, нужно будет обязательно ей сегодня же позвонить и договориться на субботу.

В субботу в клубе тренировка с реконструкцией, нужно напомнить. Вдруг забудет и явится без доспехов, и не пустит Натку сотник в строй. Андрей будет за нее переживать.

Натка уже старший дружинник, Андрей ею гордится. Сам он дослужился до десятника, и ему не стыдно с такой девушкой рядом идти. В смысле, что он сам не рядовой.

Тут Ксюша сбила его с мысли, дернув за рукав. Она притормозила возле узкого прохода между четырехэтажными домами, который был перегорожен покосившимися ржавыми воротами, с болтающейся настежь такой же ржавой скрипучей дверью, вынудив всех остановиться.

– Ой, а давайте дворами рванем! Тут ведь можно здорово путь сократить, помнишь, Даш? – оживленно предложила она.

Даша язвительно ответила, что все замечательно помнит, но совершенно не уверена, что путь будет быстрее. Лучше уж спокойно прогуляться до метро по освещенным переулкам, чем ломиться на ощупь через темный замусоренный двор. Фрэндессы горячо заспорили и наконец порешили идти наперегонки.

– Будешь секундантом, Андрюш? – спросила, играя глазками, Ксюшка. – Пойдешь со мной?

– Только я не понимаю, при чем тут секундант, – бросилась в атаку Дашка. – И почему секундант должен идти дворами? Скорее, наоборот, он должен убедиться, что я никуда не свернула, чтобы сжульничать.

– Ну и пожалуйста, – фыркнула Ксюшка. – Сконнектимся у метро. Буду вас ждать у входа со стороны проспекта, не перепутайте.

И Ксюша, махнув на прощанье рукой, скрылась в проеме калитки.

Она шла, старательно глядя себе под ноги. Самое стремное место – этот проход между торцами зданий. Его минуем, и всё, победа. А Дашка пусть утрется. В этих дворах и вправду темно, почти все дома нежилые, поэтому и окна не светятся, если не считать тусклых ламп на лестницах между этажами, однако свет все же есть, и, значит, она не налетит на мусорный контейнер или выступающий бордюрный камень. А местный дворник днем посыпал дорожки той самой дрянью, и, значит, она не поскользнется на неровной наледи и не грохнется, расшибив колени и испачкав Дашкино пальто.

Но впереди ее ждало препятствие в виде размытого силуэта какой-то неопрятной старухи, неизвестно с какого перепугу здесь очутившейся, и Ксюша поняла, что вот сейчас все ее сэкономленные минуты бездарно сгорят.

Старая развалина почти распласталась бесформенной кучей на темной дорожке и что-то разглядывала у себя под ногами, водя головой, словно пресноводная красноухая черепаха на каменистом дне акватеррариума в поисках сбежавшего у нее из-под носа мотыля.

Старухино грузное тело перегородило неширокий проход, однако Ксюша не собиралась церемониться и уже примеривалась поставить обутую в мягкий унт ногу на свободную полосу асфальта между бабкиным носом и кирпичной стеной, с тем чтобы прошмыгнуть и бежать дальше. Но скрипучий старческий голос попросил «деточку» посмотреть, куда там завалился ее, бабкин, костыль, без которого она «не ходок», и Ксюша смирилась.

Бабка распрямилась, а Ксюша, напротив, наклонилась вперед, вглядываясь с темень под ногами, но вдруг почувствовала внезапно сильный толчок, нет, не толчок, а взрыв внутри себя. Пронзительный, беспощадный взрыв холодно-каменной боли. Боль взорвалась внутри, сокрушив и Ксюшино сердце, и Ксюшин мозг, всю Ксюшу сокрушил этот взрыв. До самой ее смерти.

– Блин, – ругнулась Дашка, отойдя ровно два шага от прохода с железными воротами, – мобильник в пальто оставила. Нужно Ульянову догнать.

– Да ну, забей, – попытался отмазаться Андрей. – Через десять минут у метро встретимся, тогда и заберешь.

– Ага! И чтобы она мои эсэмэски прочитала, да? Или сейчас вообще зайдет в какой-нибудь подъезд и все мои контакты просмотрит!

И Даша, не развивая тему дальше, развернулась и заспешила вслед за подругой в подворотню. Она пробежала совсем немного по темному ущелью между слепыми стенами домов и остановилась, всматриваясь.

Впереди какие-то люди копошились на земле и не могли подняться. Дашка медленно подошла ближе, и страх обдал ее ледяной волной, потому что она увидела, что это Ксюша неподвижно и мертво лежит ничком на асфальте, а рядом с ней шевелится какая-то старуха. Только старуха не лежала, она сидела на корточках. И эта старуха, в сопливом дождевике поверх пенсионерской ватной одежды и в больничных бахилах поверх пенсионерских войлочных бот, резким и сильным движением руки выдергивала нож из спины мертвой журналистки Ксении Ульяновой.

Даша вскрикнула, старуха обернулась. Их глаза встретились, и Дашу ударило чужое бешенство, рванувшееся из глаз, от оскаленного рта, от всей этой сведенной судорогой злобы скрюченной и какой-то нереальной фигуры.

Даша отчаянно закричала. Ей показалось, что страшная старуха сейчас кинется и на нее, Дашу, и тоже вонзит в нее нож, уже испачканный Ксюшиной кровью.

Она услышала, как Андрей подбежал и встал сзади, как взволнованно выкрикнул: «Что случилось?!»

Даша резко развернулась, стукнувшись носом о какую-то железку на его куртке, и посмотрела безумными от ужаса глазами. Зажав рот рукой, она метнулась прочь.

Она бежала, не останавливаясь, бежала долго и совершенно отчетливо слышала топот ног у себя за спиной. Она была уверена, что это убийца торопится ее настичь, поэтому из последних сил бежала и бежала вдоль длинного ряда домов в надежде увидеть патрульную машину или хоть кого-нибудь, кто смог бы ее защитить от ненормальной старухи с окровавленным ножом, зажатым в артритной руке.

Когда ослабевшие ноги стали подкашиваться от усталости и морозный воздух окончательно ободрал не только горло, но, кажется, даже и легкие, она услышала сзади знакомый голос, который окликнул ее: «Стоп, Даш, да остановись ты наконец!»

– погоди, – сказал запыхавшийся Андрей, останавливаясь рядом, – давай постоим. Подумать нужно.

Но Дашка не могла ни думать, ни говорить. Ее трясло, и это можно понять. Ее сотрясала такая дрожь, что зубы клацали, как она ни старалась стискивать челюсти.

Тогда Андрей сказал:

– Я провожу тебя домой. Хотя, думается, прежде всего нужно позвонить в полицию.

Даша, туго обнимая себя за плечи, нервно произнесла:

– Я не поеду домой.

Андрей помолчал, а потом с сарказмом спросил:

– А куда ты поедешь? Или ты хочешь еще немножко погулять по вечерней Москве?

– Я не поеду домой, – с нажимом повторила Дашка. – У Игоря сейчас там тусовка, и мне не нравятся его гости. Я его предупредила, что сегодня домой не приду.

– Ну, тогда я тебя провожу, куда ты там хотела. Или я не понял?.. Или ты, может, не хочешь, чтобы я знал, к кому ты намылилась?

– Я к Ксюхе намылилась! А теперь куда?.. Нету Ксюхи... – и тут Дашку накрыло.

Она сотрясалась от плача, уткнувшись ему в пуховик, а он успокаивал, как мог, приобняв одной рукой, хотя у самого на душе было паршиво.

– Ну, как же так!.. И за что она ее, а?! – перемежала бурные рыдания жалобными всхлипами Дашка.

– Да ни за что, – ответил он мрачно. – Просто не повезло Ксюхе, вот и все. На нее какая-то сумасшедшая напала, видно же, что тетка с нестабильной крышей.

– Выходит, что, если бы ты с Ксюшей пошел, то ничего бы не случилось?

– Да откуда я знаю! – грубо проговорил Андрей. – Может, этой ненормальной по фигу было, сколько там человек через двор прется. Может, она в таком состоянии вообще реал не сканирует, ей главное, чтобы замочить кого-нибудь.

А сам подумал: «Блин...»

Потом они завернули в какой-то «Макдоналдс» и пили из пластмассовых стаканчиков обжигающий кофе.

Дашка немного успокоилась, но домой ехать отказывалась категорически.

Покряхтев, Андрей предложил ей в качестве одноразового пристанища свою квартиру, вернее, это была квартира его родителей, где он имел в личном распоряжении комнату в десять квадратов. Однако Дашка язвительно спросила, кем он представит ее своей маменьке, и Андрей, во-первых, с облегчением подумал, что Дашка пришла в себя, а во-вторых, ну, и хорошо, а то объясняйся потом с мамой.

Домой ехать Дашке не хотелось совсем. Не до такой степени, конечно, чтобы ночевать в зале ожидания на вокзале, но не хотелось.

Однако при упоминании о вокзале у Андрея возникла вполне жизнеспособная идея, которая Дашу вдохновила. Идеей была дача, опять же родительская, по Рязанскому шоссе, совсем недалеко от Москвы, на электричке можно доехать за полчаса, и от электрички минут десять, и вот оно, убежище.

– Сейчас мы с тобой махнем на три вокзала, сядем на электричку, на месте будем через час уже. Отопление там от общей котельной, не замерзнешь. Есть плитка электрическая. И еда какая-то должна быть в холодильнике. Давай, думай уже, а то устал я с тобой возиться.

Дашка надулась, но предложение приняла. Спросила только, не подвалят ли паренты внезапно. Андрей заверил, что вряд ли, поскольку фазер сейчас прохладается в больнице и в ближайшее время за руль сестра не сможет, а у мамы водительских прав нет, на электричке она не поедет и тоже Дашку не побеспокоит.

В полицию они позвонили с Казанского вокзала перед отходом поезда. Они старались не думать, что все это время Ксюха Ульянова лежала в грязной подворотне на грязном заплыванном асфальте. Мертва и одна.

На следующий день Даша Врублевская на работу не вышла. Никто особенно не обеспокоился, так как быстро выяснили, что вчера она договорилась с Александром Семеновичем, их главредом, что доработает статью дома и отдаст ему готовый текст в четверг.

Народ в редакции был взбудоражен страшным происшествием, случившимся накануне. Какой-то маньяк убил их журналистку, совсем молоденькую Ксению Ульянову. Кстати, Дашину подружку.

Про убийство узнали от приходящей неповоротливой уборщицы Любы, а та, в свою очередь, от дворника Алима, с которым иногда в простоте душевной общалась через дверной проем черного входа.

Он и рассказал, перехватив Любаню возле мусорных контейнеров, жарко шепча и перевирая больше обычного русские слова, что вчера поздно вечером приезжала полиция в соседний двор, потому что там лежала убитая девочка. А его, Алима, позвали, чтобы он открыл для их машины ворота, запертые на всякий замок.

Девочку убитую он признал, видел не один раз, когда она выходила во двор покурить на солнышке. А уж когда ее короткие волосики увидел, сильно белые, совсем сомневаться перестал. Шапка с нее свалилась, когда ее упаковывали в мешок, вот Алим и узнал. По такой примете кто угодно мог бы признать девочку. Но он не сказал полицейским, что признал, потому что они не спрашивали. А потом они сами разобрались, нашли у нее в одежде какой-то документ.

Редакционные дамы и барышни строили догадки, высказывали мнения, ахали и ужасались. Мужчины обменивались междометиями. Никто не работал, и даже секретарша Верочка Дулова пропала со всеми в курилке, а не сторожила коммутатор на ресепшне.

Андрей помалкивал, делая вид, что загружен работой.

Вчера они договорились с Дарьей, что без надобности трепать языком не будут. Спросят в полиции – ответим, если не спросят, значит, обойдутся и без них. Все равно Ксюшу не вернуть, а ту крейзанутую сволочь по-любому уже не отыщешь.

Потом по редакции пронеслось волной: «Врублевская пропала!» – и Андрей насторожился.

Верочка все же решила посидеть немножко на своем рабочем месте, то есть на входящих звонках, которые время от времени разносились по редакционному коридору и беспокоили ее в курилке. Под их аккомпанемент она прошла невозмутимо к своему столу, степенно уселась и лишь затем сняла орущую трубку.

Звонил какой-то родственник Врублевской. Он был до предела взвинчен и оттого напорист, а может, просто характер у него был такой напористый, благодаря чему он и сумел докричаться до Верочки, хотя все ее существо было занято утренней сенсацией.

Собственно, нервничал он оттого, что Дашкин сотовый не отвечает, а она ему очень нужна. Дома случилось несчастье, ее брат попал в больницу в тяжелом состоянии. Так не могла бы Верочка перевести звоночек на Дарью?

«Так-так...» – подумала Верочка, а вслух сказала:

– А Даши на месте нет, в смысле, ее вообще сегодня нет в редакции. И не будет, она отпросилась еще вчера. А вы позвоните ей на домашний. Нет дома и не ночевала?! Вот оно в чем дело... Конечно, конечно, если позвонит, мы ей все передадим, вы не волнуйтесь, пожалуйста. Хорошо, записываю.

И она записала десятизначный номер на розовом стикере и приклеила его на свой монитор. А потом побежала разносить новость по редакционным коридорам.

Галина Васильевна Шевчук, руководитель Центра возрастной коррекции и психологической помощи, кандидат медицинских наук, умница, красавица... Кто еще? А еще психопатка.

Галина Васильевна сидела перед темным монитором выключенного компьютера в своем крошечном кабинетике за своим письменным столом, вертела в руках заколку со стразами и размышляла, вяло перебирая в памяти события последних дней.

И зачем ее туда понесло? Совсем крыша поехала от переутомления. От чего же еще? Что такого произошло в ее жизни ужасного, отчего она помчалась за помощью к попам?

Еще и письмо истеричное написала контрагенту с жалобой на страхи, поделилась планами обратиться за советом к лицам, компетентным в ее проблеме.

С чего она решила, что приходской священник – компетентное лицо? Может, в чем-то он и дока, но только не в бизнесе и сопутствующих ему нервных срывах.

Сегодняшний день тоже выдался – зашибись. Пришлось сделать лишний прогон. Две группы в день, по расписанию – это уже нечеловеческое напряжение, а если групп три, как сегодня, то гул в голове, звон в ушах и предобморочное состояние в результате гарантированы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.